

Глава 6

РАПАНУЙСКИЕ РЕЗНЫЕ ФИГУРКИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ № 736 (КОЛЛЕКЦИЯ КУКА–ВАКСЕЛЯ)

По мере изучения различных списков и каталогов методом исключения можно выявить еще несколько предметов из старинных коллекций МАЭ, которые могли бы быть связаны с путешествиями капитана Кука. Правда, первоначальным стимулом к ведению исследования в этом направлении послужила гипотеза Дэвида Аттенборо, положенная в основу научного фильма “The Lost Gods of Easter Island” (BBC, 2000). Главная идея, впервые опубликованная еще в 1990 г., заключается в сопоставлении двух рапануйских фигурок из МАЭ с рисунками, хранящимися в Библиотеке Митчелла в Сиднее [Attenborough 1990: 42–44].

Упомянутые рисунки вложены в альбом, когда-то принадлежавший самому капитану Куку, а затем перешедший к Исааку Смитту, двоюродному брату жены Кука, участнику первого и второго плаваний Кука. Альбом так и озаглавлен: «Подлинные эскизы, рисунки, карты etc., собранные адмиралом Исааком Смитом, который служил офицером под командованием капитана Джеймса Кука, кругосветного плователя, во время его первого и второго путешествий. Ad 1768–1775» [Ibid.: 42]. По некоторым предположениям, две упомянутые акварели были созданы эйбл-симоном Генри Робертсом, участвовавшим во втором путешествии Джеймса Кука [Jorriën, Smith 1985: 263, 264]. Изображения, о которых идет речь, настолько детальные, что, кажется, не возникает никаких сомнений, что перед нами именно предметы из МАЭ: фигурка *тангата ману*, или «человек-птица» (инвентарный № 736–204), и антропоморфная фигурка в виде жезла (инвентарный № 736–205), которую мы условно будем называть «фигурка с гребнем». Это удивительное сходство и позволило Аттенборо высказать идею, что данные предметы покинули о-в Пасхи вместе с экспедицией Кука в 1774 г. Рассмотрим предметы коллекции № 736 на фоне «русской» версии происхождения рапануйских фигурок из МАЭ.

«Русская» версия происхождения рапануйских фигурок из МАЭ

В подтверждение своей идеи Атенборо в качестве прецедента использует некоторые эпизоды из второго путешествия Кука. В частности, он опирается на воспоминания натуралиста Георга Форстера, принимавшего участие в плавании вместе со своим отцом Иоганном Рейнгольдом Форстером. В его книге «Путешествие вокруг света» есть одно место, вполне правдоподобно объясняющее, как рапануйские изделия могли попасть на борт одного из кораблей Дж. Кука. Так, он подробно рассказывает об уроженце острова Борабора (группа о-в Общества) по имени Махине, переводчике Кука, который во время пребывания экспедиции на о-ве Пасхи целенаправленно разыскивал и приобретал деревянные резные изображения в расчете получить за них хорошую цену на Таити. По описанию Г. Форстера, подобные фигурки были вырезаны из узких кусков дерева длиной восемь дюймов, или два фута, причем тела фигурок были «обычно слишком вытянуты». Эти характеристики полностью совпадают с внешним видом фигурки № 736-205. Также достоверно известно, что однажды Махине приобрел на о. Пасхи вырезанное из дерева изображение кисти руки, которое затем подарил отцу Иоганну Рейнгольду Форстеру [Форстер 1986: 254]. Впоследствии Форстер-старший передал этот предмет в Британский музей, где он и находится в настоящее время.

Таким образом, с одной стороны, существуют указания на то, что некоторое число рапануйских резных изображений было вывезено с острова Пасхи на Таити и что, вероятно, какая-то часть из них отправилась дальше на кораблях Кука, в конце концов достигнув берегов Англии. С другой стороны, почти фотографическая точность рисунков Робарта убеждает в их тождественности предметам № 736-204 и № 736-205.

Здесь следует особо оговорить еще один момент. Стилистически две интересующие нас фигурки образуют как бы единую серию вместе с третьей фигуркой — № 736-203, которую по существующей классификации можно номинировать как *moai kavakaва*. По крайней мере, следует согласиться с мнением Кепплер в той части, в которой три петербургские фигурки трактуются как единое собрание по обстоятельствам поступления (“the three earliest-known Rapa Nui figures to reach Europe”)[Kaeppler 2001: 36].

Каким же путем эти фигурки могли оказаться в коллекциях петербургской Кунсткамеры? Аттенборо полагает, что они прибыли в Санкт-Петербург вместе с экспедицией Ф. Ф. Беллингсгаузена и М. П. Лазарева среди предметов, приобретенных на Таити в 1820 г. В своих рассуждениях он опирается на сам факт существования 736-й коллекции, восходящей, как принято считать, исключительно к собраниям, переданным в Академию наук по императорскому указу от 19 октября 1827 г. из бывшего Музеума Адмиралтейского департамента, куда они должны были поступить первоначально.

Адриенн Кепплер резко критикует позицию Дэвида Аттенборо, полностью отвергая куковское происхождение рапануйских фигурок из Кунсткамеры. Основной удар наносится именно по той части его концепции, где речь идет о «рисунках Робартса». По ее мнению, несмотря на явное сходство с рисунками из альбома контр-адмирала Смита, принадлежность этих фигурок к путешествиям капитана Кука маловероятна. В связи с этим она подчеркивает, что в рукописном индексе, являющемся приложением к альбому, указаны только 34 листа. Рисунок с рапануйскими артефактами находится на 35-м листе, а следовательно, считает она, является позднейшим включением [Каерплер 2003: 24]. Это замечание Кепплер существенно, и позже мы к нему еще вернемся.

Рисунки рапануйских фигурок из альбома Исаака Смита были опубликованы в 1985 г. в полном собрании рисунков из куковских путешествий [Jorrien, Smith 1985: 264]. Из самого факта публикации можно заключить, что его составители относят данные рисунки ко времени куковских путешествий. Однако Кепплер пытается уличить одного из них, а именно Бернарда Смита, в непоследовательности, сославшись на его личное сообщение, относящееся к 1983 г. Как она уверяет, в этом письме Смит писал ей о своих сомнениях, вызванных тем, что эти изображения связаны с более поздним периодом карьеры Исаака Смита в британском Военно-морском флоте. Во избежание каких-либо искажений позиции Кепплер приведем это место полностью:

«Имели место некоторые спекуляции на тот счет, что эти фигурки происходят из путешествия Кука, но это маловероятно. Две из этих фигурок появляются на рисунке в альбоме, ныне находящемся в Библиотеке Митчелла в Сиднее, который принадлежал Исааку Смику (ум. 1831). Исаак Смит,

кузен миссис Кук, плывал с Куком в первом и втором путешествиях, затем дошел до чина контр-адмирала британского флота. Этот альбом рисунков снабжен рукописным индексом с указанием тридцати четырех фолио, относящихся к путешествиям Кука. Рисунок с рапануйскими артефактами находится на фолио 36 и не упомянут в индексе, тем самым предполагается, что это более позднее добавление. Хотя этот рисунок был включен вместе с остальными рисунками из альбома в книгу Рюдигера Джоппиена и Бернарда Смита по рисункам из куковских путешествий; в нашей более ранней переписке по поводу этого рисунка Смит отмечает, что он подозревает, “что они (рисунки. — П. Б.) принадлежат к более позднему периоду карьеры Исаака Смита в британском флоте” (Смит, личное сообщение 1983 г.) — с чем я согласна» [Kaerpler 2003: 24]¹.

К сожалению, в этом отрывке дело представлено так, будто Бернард Смит находился в состоянии детского неведения относительно аргументов, которыми оперирует Кепплер. Между тем Джоппиен и Смит четко изложили все существующие точки зрения, в том числе мнение Кепплер: «Д-р Адриенн Кепплер отвлекает наше внимание от сходства между рисунками и резными изображениями в Ленинграде. Она исходит из того мнения, что резные изображения были собраны во время путешествий либо Лисянского (1804), либо Коцебу (1816)» [Joppien, Smith 1985: 264] .

То же самое можно сказать по поводу того, что два последних листа в альбоме Исаака Смита, в том числе 36-й лист с рисунками рапануйских фигурок, не указаны в индексе. Это замечание было

¹ “There has been speculation that these figures derive from Cook’s voyage, but this is unlikely. Two of the figures appear in a drawing in a volume now in the Mitchell Library, Sydney, which belonged to Isaac Smith (d. 1831). Isaac Smith, a cousin of Mrs. Cook, sailed on Cook’s first and second voyages and went on to become a Rear Admiral in the British Navy. The volume of drawings has a handwritten index that lists the thirty-four folios associated with Cook’s voyages. The drawing of Rapa Nui artifacts is on folio 36° and is not mentioned in the index, suggesting that it was a later addition. Although this drawing was included with the rest of the drawings of this volume in Rüdiger Joppien and Bernard Smith’s book on Cook-voyage drawings, in our earlier correspondence about this drawing, Smith notes that he suspects ‘that they belong to Isaac Smith’s later career in the British Navy’ (Smith, personal communication 1983) — with this I agree”.

сделано Дэвидом Аттенборо в той самой статье, которую Кепплер критикует. «Эти два листа с рисунками, — пишет Аттенборо, — не значатся в рукописном указателе к альбому, составленному рукой адмирала Смита. Таким образом, то, что они имеют отношение к Куку, не может быть принято как нечто данное» [Attenborough 1990: 43].

Версии Аттенборо американская исследовательница противопоставляет иную точку зрения, которую мы обозначим как «русскую» версию. По ее мнению, фигурки с о-ва Пасхи были, точнее могли быть, привезены другими российскими кругосветными мореплавателями. Она связывает происхождение рапануйских фигурок из МАЭ прежде всего с именем Лисянского, зная, что в первой четверти XIX в. к о-ву Пасхи подходили только корабли Лисянского («Нева», 1804) и Коцебу («Рюрик», 1816) [Каерплер 2003: 24]. Причем во втором случае высадка на берег происходила в обстановке крайней враждебности со стороны островитян и в конечном счете принесла членам экипажа лишь несколько связок бананов и тростника в обмен на куски старого железа [Коцебу 1821: 48–49; 1948: 53–56].

В пылу полемики информация о «Неве» и «Рюрике» подается как нечто совершенно неизвестное Дэвиду Аттенборо, хотя на самом деле в его статье посещению этими кораблями о-ва Пасхи уделяется достаточно большое место и его резюме носит точный характер: в отчетах участников экспедиции Ю. Ф. Лисянского не упоминается ни о каких резных изображениях, а членам команды О. Е. Коцебу вообще не удалось вступить в мирный контакт с островитянами. Поэтому к предположению о приобретении двух фигурок во время визитов русских кораблей он относится весьма скептически [Attenborough 1990: 42].

На наш взгляд, большинство упреков Кепплер в адрес Дэвида Аттенборо проистекает из смешения двух, в сущности, различных вопросов: о происхождении трех фигурок из МАЭ и происхождении фигурки, случайно приобретенной Дэвидом Аттенборо на аукционе в Нью-Йорке в 1984 г. [Attenborough 1990: 47]. Мы сосредоточимся только на тех аргументах Кепплер, которые имеют непосредственное отношение к ранним океанийским коллекциям МАЭ.

Когда речь идет о первой русской кругосветной экспедиции, Кепплер лукавит еще и в том отношении, что ограничивается лишь общим упоминанием самого факта обмена вещами между русскими моряками и островитянами во время визита «Невы» [Каерплер

2003: 24]. Однако попытка лейтенанта Повалишина высадиться на остров в 1804 г. (шлюпке не удалось подойти к берегу из-за сильного прибоя) описана в мельчайших подробностях, что совершенно исключает возможность приобретения каких-либо предметов, кроме тростникового плотика и плетеной сумки. «О рукоделиях сих островитян, — писал Лисянский, — с точностию судить не могу, но кошелек и мат, подаренные стариком г. Повалишину, заслуживают некоторое внимание. Первый длиною в 15 дюймов, и сплетен весьма искусно из травы, а второй длиною в $4\frac{3}{4}$ футов, шириною в $15\frac{1}{2}$ дюймов; в середине сего последнего положены сахарные трости сплетенные камышем; шнурок же, коим сплетен мат, и из которого сделаны были ушки у кошелька, хотя также составлен из травы, но чистотою нимало не уступает льняному, каковым с самого начала он нам и показался» [Лисянский 1812: 96].

Наконец, в РГАВМФ имеются реестры вещей, подаренных Музею Адмиралтейского департамента Ю. Ф. Лисянским и П. В. Повалишиным в 1806 г. В этих списках нет ничего, что хотя бы отдаленно указывало на наличие каких-либо скульптурных изображений («идолов») [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 762. Л. 2, 4]. Таким образом, совершенно невозможно утверждать, что рапануйские фигурки относятся к коллекциям, переданным участниками первого русского кругосветного плавания в Музей Адмиралтейского департамента.

Возникает своего рода замкнутый круг. С одной стороны, вроде бы ни один из документов того времени не содержит записей, которые могли бы подтвердить появление рапануйских фигурок в собраниях академии в связи с передачей коллекций из Адмиралтейского департамента. С другой стороны, эти предметы все-таки существуют, причем находятся они в 736-й коллекции, которая, согласно музейным документам конца XIX — начала XX в. (книгам поступлений, карточному каталогу и описи), состоит из вещей бывшего Музеума Адмиралтейского департамента.

Собственно говоря, это «все-таки» и является одним из главных аргументов Кепплер. В своих выводах исследовательница полностью полагается на информацию, заключенную в старых описях музея. Как она пишет, «коллекция в Санкт-Петербурге, к которой принадлежат эти фигурки и которая состоит из ряда коллекций Российского Адмиралтейства, имеет префикс “736”, тогда как коллекция из путешествия Кука имеет префикс “505”» [Kaeppler 2003: 24]. Однако ссылаться на номера коллекций — значит ссылаться на му-

зейные предания, против чего сама Кепплер предостерегает с самого начала карьеры. Инвентари за номером «505» и «736», как и многие другие описи конца XIX — начала XX в., сами по себе нельзя использовать как документы, удостоверяющие происхождение вещей, ибо они отстают от времени реального поступления вещей почти на столетие или более.

То, что эти регистрационные документы конца XIX — начала XX в. являются лишь реконструкциями, видно уже из их содержания. Кроме того, это нетрудно почерпнуть из литературы по истории МАЭ конца XIX — начала XX в. Вот что писали об условиях, в которых начиналась регистрация, непосредственные участники событий: «В Музее велись, правда, книги с записями поступлений, но эти записи заключали в себе только даты и общие характеристики коллекций в целом, отдельные же предметы, входившие в состав коллекций, оставались без номеров и этикеток» [Л. Штернберг и др. 1907: 32]. Таким образом, если речь идет о ранних поступлениях МАЭ, любые ссылки на описи («индексы») конца XIX — начала XX в. в качестве доказательства исторической идентичности входящих в них вещей совершенно бессмысленны без обращения к архивным материалам (каталогам, этикеткам и пр.) последней трети XVIII в. — первой трети XIX в.

Одним из наиболее досадных моментов в слишком поспешной регистрации является путаница с датировкой передачи вещей из Адмиралтейского департамента в академию (см. главу 5). В статье Кепплер в отношении рапануйских фигурок приводятся две взаимоисключающие даты: 1826 и 1830 г. В каталоге рапануйской скульптуры, прилагаемом к статье 2003 г., о санкт-петербургских фигурках говорится следующее: «Предметы в музее с префиксом “736” (коллекция, состоящая из 303 вещей) происходят из русских плаваний до 1826 г. и были отданы Адмиралтейством в музей в 1830 г.» [Каерплер 2003: 34]. Эта фраза представляет собой сплошное недоразумение. В данном контексте вывод о том, что «предметы с префиксом “736”» были в Музее Адмиралтейского департамента до 1826 г., можно сделать только при условии, что в качестве даты передачи вещей в академию мы принимаем 1826 г., что, разумеется, противоречит второй части фразы. Хотя Кепплер не указывает источник, откуда взяты эти даты, можно догадываться, что это регистрационные документы МАЭ начала XX в., поверхностно истолкованные кем-то, владеющим русским языком.

Обратимся к старой описи коллекции № 736, составленной в апреле 1903 г. младшим этнографом МАЭ Е. Л. Петри (подлинник этой описи в настоящее время находится в отделе учета и хранения МАЭ). На титульном листе (на старом дореволюционном бланке) в графе «Время поступления» первоначально черными чернилами был поставлен год «...26». Поверх этой цифры идет исправление лиловыми чернилами: «1830». Следует иметь в виду, что титульный лист описи заполнялся дважды, до и после революции 1917 г., когда вносились некоторые дополнения. Это видно по различию как почерков, так и орфографии (после 1917 г. некоторые знаки русского алфавита были отменены). Первый почерк принадлежит сыну Е. Петри, Б. Э. Петри, работавшему в МАЭ в начале XIX в. При нем графа «Время поступления» оставалась незаполненной. Позднейшие записи лиловыми чернилами сделаны рукой Л. Г. Розиной и относятся к 1957 г., когда она занималась так называемым исправлением кратких описей, то есть описей конца XIX — начала XX в. Видимо, именно она впервые заполнила графу «Время поступления», сначала поставив дату «...26», а затем переправив ее на «1830» (на чем основывалась Л. Г. Розина — неизвестно). Во всяком случае, в своих выводах о происхождении вещей первой четверти XIX в. Кепплер ссылается на даты, поставленные в середине XX в. Конечно, она имела полное право сослаться на титульный лист описи № 736. Но зачем же выдумывать, связывая указанные даты с двумя событиями, произошедшими в другое время?

Последовательность превращения даты «...26» в «1830» можно проследить по книгам МАЭ. В «Каталоге поступлений» МАЭ начала XIX в. против индекса «0736» рукой Е. Л. Петри сделана запись: «Из Адмиралтейского Музея в 1826 году» [МАЭ РАН. К-IV. Оп. 2. № 1]. В «Инвентаре коллекциям Музея Антропологии и Этнографии имени Петра великого Академии Наук С.С.С.Р.», относящемся к 1950-м годам (книга не имеет архивного номера), по поводу коллекции № 736 есть запись: «1826 От Адмиралтейского Музея, собиратель Литке». В другой музейной книге, на обложке которой вытиснено название «Инвентарь коллекциям» и ниже «501—3000», в графе «Год поступления» стоит «1830», а в графе «Происхождение» — запись «От Адмиралтейского музея. Собир. Литке». На последнем листе этой книги указывается время, когда она была пронумерована и прошнурована: 3 марта 1911 г. Но это не должно вводить нас в заблуждение, поскольку до революции в эту книгу были внесены

только поступления 1912 г. Все остальные записи сделаны карандашом в советское время, о чем можно судить по современной орфографии. Почерк тот же самый, что и в «Инвентаре коллекциям... Академии Наук С.С.С.Р.», следовательно, записи относятся ко второй половине 1950-х годов, то есть по времени совпадают с описью Л. Г. Розиной, датируемой 1957 г.

Таким образом, дата «1830» появилась в описи № 736 на основе предположения, что данная коллекция принадлежала Ф. П. Литке (кстати говоря, на титульном листе описи Л. Г. Розиной в дате «1830» последние две цифры были позднее кем-то зачеркнуты и рядом карандашом приписано: «26 г.»). На чем основывалось это предположение, также неизвестно. Тем более что на самом деле так называемая коллекция Ф. П. Литке (№ 711) поступила не в 1830 г. в Музеум Адмиралтейского департамента, а в 1831 г. непосредственно в Академию наук (см. запись в Журнале Этнографического музея под 1831 г. о двух поступлениях вещей из экспедиции Ф. П. Литке: от имени натуралиста К. Г. Мертенса и самого Литке).

Остается выяснить, какими источниками пользовалась сама Е. Л. Петри, датируя передачу вещей из «Адмиралтейского музея» 1826 г. Это довольно просто сделать. Как уже упоминалось в главе 5, на титульном листе описи № 736 в графе «Документы» значится: «Ведомость препроводительная». Данная запись соответствует очень старому музейному документу «Ведомость редкостям, отданным из музеума бывшего Государственного Адмиралтейского Департамента в Императорскую Академию Наук» [МАЭ РАН. К-IV. Оп. 1. № 16/1, 2, 3], который до 2005 г. хранился в архиве отдела Австралии, Океании и Индонезии МАЭ, а затем был передан в отдел учета и хранения. На титульном листе, справа ниже заглавия, стоит дата: «1826 года Генваря дня» (число месяца пропущено).

Чтобы не нарушать ход изложения, повторим кратко сказанное в главе 5. Императорский указ о расформировании Музеума Адмиралтейского департамента был подписан только 19 октября 1827 г. Понятно, что 1826 г., поставленный на Ведомости редкостям из МАЭ, является опиской, возникшей при переписывании или использовании другого, исходного по своему значению документа. Такой документ действительно существует в РГАВМФ. Он носит то же самое название и в качестве одной из частей включает список этнографических вещей, идентичный Ведомости редкостям из МАЭ. На титуле стоит дата «1828 года Генваря 26 дня» [РГАВМФ.

Ф. 402. Оп. 1. № 127. Л. 11]. Помимо фиксации точного времени передачи этнографических вещей из Музеума в Академию наук, эта запись объясняет, что послужило причиной ошибки при переписке документа.

В СПбФ АРАН также есть документ, прямо указывающий на то, что передача вещей из Адмиралтейского департамента состоялась именно в 1828 г. В деле «Об академических зданиях» имеется рапорт, по-видимому, конца 20-х — начала 30-х годов XIX в., в котором содержатся сведения по истории «Академического кабинета» и подробное описание его залов. Как гласит этот документ, «в 1828 году, по Высочайшему повелению, поступило в Академию из Музеума Адмиралтейского Департамента большое собрание чучел: зверей и птиц, одежд и орудий диких народов, привезенных морскими офицерами, совершавшими плавание вокруг света» [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1827. № 3. Л. 13 об.]. Наконец, можно просмотреть записи поступлений за 1828 г. в Журнале Этнографического музея (“*Journal des Ethnographischen Museum Anno 1837 bis 1877 incl.*”). Здесь дается выписка из Журнала Комитета правления академии, согласно которой копия каталога вещей, переданных из Адмиралтейского департамента, была отослана в Конференцию Академии наук 5 марта 1828 г. [МАЭ РАН. К-IV. Оп. 1. № 1. Л. 55]. Так что с аутентичностью источников информации Дэвиду Аттенборо повезло несколько больше, чем Кепплер. В его статье дата передачи вещей из Адмиралтейского департамента указана верно: 1828 г. [Attenborough 1990: 42, 46].

Однако пока все же приходится признать, что датирование акта передачи вещей из Адмиралтейского департамента 1828 г. не столько разрушает концепцию Кепплер, сколько, наоборот, делает ее более стройной, так как в конечном счете аргументация Кепплер строится не на абсолютной, а на относительной хронологии событий. Рассмотрим вопрос с этой точки зрения.

В качестве основной посылки к умозаключению о принадлежности трех рапануйских фигурок МАЭ к сборам участников русских кругосветных плаваний первой четверти XIX в. Кепплер безоговорочно принимает тезис, согласно которому фигурки *были* в «Российском Адмиралтейском Музее» *до* момента (независимо от точной даты) реального перемещения коллекций в академию [Kaerpler 2003: 24]. При этом она, опять-таки, ссылается на опись № 736, которая официально считается происходящей из Музеума

Адмиралтейского департамента. Видимо, логика Кепплер такова: «На вещи стоит порядковый номер коллекции № 736, следовательно, эта вещь когда-то была в составе коллекций Музеума Адмиралтейского департамента». Именно этот вывод оказывается в корне ошибочным. Ложной является первая посылка, заключающаяся в утверждении, что коллекции МАЭ, зарегистрированные в конце XIX — начале XX в., в точности повторяют конфигурацию поступлений конца XVIII — XIX в. Мы говорим о том, что по линии разделения коллекций Музеума Адмиралтейского департамента и Музея Императорской Академии наук все ранние коллекции, в том числе № 736, являются в той или иной мере смешанными. Это очень старая проблема, которую пытается разрешить не одно поколение сотрудников музея.

Среди вещей коллекции № 736 обнаруживаются предметы, поступившие по другим каналам и не имеющие отношения к первым русским кругосветным плаваниям. По крайней мере, в исправленных описях и литературе второй половины XX в. зафиксировано несколько случаев переоценки атрибуции вещей из коллекции № 736. Это явление связано с несовершенством старых каталогов и нарушением границ (возможно, неоднократно) мест хранения в XIX в. Неудивительно, что при первой научной регистрации по копенгагенской системе в опись коллекции № 736 были включены помимо вещей, действительно переданных из бывшего Музеума Адмиралтейского департамента, также многие предметы из поступлений конца XVIII — начала XIX в., уже находившиеся к тому времени в собраниях академии. Косвенным признаком такого смещения служит сам факт «исчезновения» большинства поступлений того времени, известных по документам Академии наук.

С этой точки зрения решение проблемы атрибуции трех рапануйских фигурок лежит буквально на поверхности, представляя собой, пожалуй, самый простой случай. Достаточно сравнить опись 1903 г. с Ведомостью редкостям. В опись № 736 включены семь деревянных антропоморфных изображений — три предмета с Новой Зеландии (№ 736-118, 736-119, 736-120), три предмета с о-ва Пасхи (№ 736-203, 736-204, 736-205) и один предмет с о-ва Таити (№ 736-226). В Ведомости редкостям упоминаются только четыре скульптурных изображения: «идолов разной фигуры три» с Новой Зеландии и «идол из Морая Отаити один», что соответствует двум

новозеландским предметам (№ 736-118, 119) и одному таитянскому (№ 736-226). Три фигурки с о-ва Пасхи оказываются «лишними». Следовательно, они никогда не входили в состав собраний Музеума Адмиралтейского департамента.

Можно также сразу исключить версию, по которой эти вещи могли быть частью предметов из русских кругосветных плаваний, поступившей непосредственно в Музей Императорской Академии наук. В единственном случае такого дарения мы вновь встречаемся с именем Ю. Ф. Лисянского, который в конце 1806 г. преподнес в дар Императорской Академии наук довольно крупную коллекцию этнографических предметов из Океании и Русской Америки. В сопроводительном списке Лисянского, скопированном на 104-м листе “*Journal des Ethnographischen Museum Anno 1837 bis 1877 incl.*”, указывается только один «Сандвичевский идол» [МАЭ РАН. К-IV. Оп. 1. № 1. Л. 104]. Этот предмет был идентифицирован по упомянутому списку еще в середине XIX в. и во времена В. В. Радлова зарегистрирован в составе океанийской части коллекции Лисянского под № 750-1. Таким образом, содержание реестров в архивах Морского ведомства и Академии наук того времени полностью исключает возможность приобретения трех рапануйских фигурок русскими моряками в 1804 г. На этом мы можем закрыть тему, связанную с именем капитана Лисянского, добавив, что в известной степени часть вины за некоторые ошибочные предположения с Кепплер должны разделить сотрудники МАЭ, поскольку более или менее серьезная работа по изучению документов в различных архивах началась совсем недавно.

Все же наиболее слабое место концепции Кепплер заключается в том, что, увлекшись критикой концепции Дэвида Аттенборо в той ее части, где речь идет о фигурке, приобретенной им на аукционе “Christie’s”, она закрывает глаза на очевидное сходство двух «рисунков Робарта» с предметами из МАЭ. В частности, она, кажется, упускает важный момент: отнесение этих рисунков к более позднему периоду жизни Исаака Смита не избавляет нас от обязанности объяснить их несомненное сходство с вещами из МАЭ.

В этом плане современные знания о традиционной рапануйской культуре не оставляют исследователям никакого выбора. Создатели культовых фигурок на острове Пасхи никогда не повторялись в деталях. Поэтому даже теоретически невозможно

предположить появление на «рисунках Робартса» каких-то других предметов, кроме фигурок № 736-204 и № 736-205. Вероятность случайного совпадения стремится к нулю, даже если иметь дело с одним-единственным изображением, а у нас два таких изображения, причем на одном листе бумаги и к тому же в альбоме, принадлежавшем участнику второго путешествия Кука. Отсюда возникает «убийственный» для концепции Кепплер вопрос: если обе эти вещи были приобретены в 1804 г. Ю. Ф. Лисянским, каким образом их изображения могли оказаться в альбоме Исаака Смита? Однажды Дэвид Аттенборо уже задавал подобный вопрос, но, как и в других случаях, не был услышан своим главным оппонентом [Attenborough 1990: 43].

Вернемся к собственной версии Дэвида Аттенборо. Как можно было заметить, приписывая «авторство» рапануйских фигурок Ф. Ф. Беллинсгаузену, он совершает примерно ту же самую ошибку, что и А. Кепплер, то есть не принимает во внимание смешанное происхождение коллекции № 736. Однако в главном его позиция прямо противоположна позиции Кепплер, поскольку основана на признании *факта* идентичности двух фигурок из МАЭ вешам, изображенным на рисунках в альбоме Исаака Смита. В дальнейшем будет показано, что благодаря этому неоднородность коллекции № 736 в конечном счете не противоречит его гипотезе о куковском происхождении фигурок № 736-204 и № 736-205 (а вместе с ними и фигурки № 736-203).

Наша задача сводится к поиску фактов, отметивших вехи возможного пути трех рапануйских фигурок в Санкт-Петербург в пределах временного диапазона последней четверти XVIII — первой четверти XIX в.

В книге Руссова 1900 г., в списке этнографических поступлений в период с 1802 по 1833 г., при перечислении предметов предположительно океанийского происхождения, приобретенных в этот период, дважды упоминается имя “Herr Waxel aus London” [Russow 1900: 20–21]:

“1802. Die erste Acquisition des 19. Jahrhunderts war ein neuseeländisch Götze, welcher von Hrn. Waxel aus London eingesandt wurde...

1809 von Herrn Waxel drei Götzen, eine Waffe und Rindenzeugproben von verschiedenen Südsee-Inseln”.

В “Journal des Ethnographischen Museum Anno 1837 bis 1877 incl.” этому соответствует следующая запись:

“M^c de Waxell envoyé pour le Musée... 9) 3 Idoles des Iles de Falkland, Otahaiti et Sandwich, 10) un Patou. Patou des mêmes Iles, 11) quelques échantillons d'étoffe du Murus papyrifera des mêmes Iles” [МАЭ РАН. К-IV. Оп. 1. № 1. Л. 45].

Сравним данную запись с протоколом № 31 (§ 368) от 11 октября 1809 г.:

“...M^c de Waxell envoya pour le Musée academique le objets suivans qu'il a apportés avec lui de Londres: ... 9°) Trois idoles des îles de Falkland, Otahaité & Sandwich, 10°) Un Patoupatou des des mêmes îles; 11°) quelques échantillons d'étoffe du Murus papyrifera des mêmes îles. Tous ces objets seront envoyé a Musée” [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 20. Л. 99].

Если учитывать гипотезу Дэвида Аттенборо, «три идола с различных островов Южного моря» (“*drei Götzen... von verschiedenen Südsee-Inseln*”) вполне подходят на роль рапануйских фигурок, некогда вывезенных спутниками капитана Кука. В то же время методом исключения (см. выше перечисление деревянной скульптуры в описи коллекции № 736 и Ведомости редкостям) три предмета с о-ва Пасхи, которые в настоящее время числятся в составе коллекции № 736, с очень большой долей вероятности можно идентифицировать с указанной строкой в списке Руссова. То, что в письме, автором которого является «герр Ваксель из Лондона», вместо “Easter Island” упомянуты совсем другие географические названия, включая Фолклендские о-ва, само по себе не может опровергнуть эту гипотезу. Путаница с географическими названиями — довольно частое явление для предметов куковского происхождения.

Рассматривая различные версии, вполне можно согласиться с тем, что лист с рисунками рапануйских фигурок был вложен в альбом Исаака Смита задним числом. Но это еще не означает, что эти рисунки вообще не имеют никакого отношения к путешествиям Кука. Напротив, версия, согласно которой следы этих рисунков ведут не в Россию, а именно в Англию, является наиболее вероятной. Более того, мы попробуем принять точку зрения, что первоначально эти рисунки были сделаны на борту корабля Кука, прежде чем

достигнуть берегов Англии. Как оказывается, именно с помощью этой версии факты складываются самым удачным образом.

По воспоминаниям Джона Элиотта, служившего мидшипмэном на «Резолюшн», во время второго путешествия капитаном Куком была организована своего рода «школа рисования». «Я, м-р Робартс и м-р Смит (племянник Кука), — писал Элиотт, — в свободные от вахты часы были заняты в каюте капитана Кука копированием рисунков для него или для себя под присмотром м-ра Ходжеса» (цит. по: [Jorpien, Smith 1985: 5]). На этом фоне, пожалуй, проще всего предположить, что рисунки рапануйских фигурок на 35-м листе в альбоме адмирала Смита принадлежат не кому иному, как Смигу и относятся именно к *самому раннему* периоду его морской карьеры.

Датировать «рисунки Робартса» (или Смита?) 1774 г. позволяют и некоторые другие косвенные данные. На 36-м листе альбома Смита тем же автором, довольно схематично, изображены различные орудия, по всей видимости, происходящие с о-вов Тонга и о-ва Танна (Новые Гебриды) [Jorpien, Smith 1985: 263]. Самое любопытное заключается в том, что состав предметов (в основном палицы, стрелы и луки) совпадает со словесными описаниями и зарисовками в журнале Иоганна Рейнгольда Форстера [Ibid.: 220, 233]. Это позволяет синхронизировать рисунки Робартса—Смита со временем второго путешествия Кука. Наконец, на листе 35 вместе с рапануйскими фигурками изображена палица *паоа*, этот вид традиционного оружия наряду с резными фигурками описывается в книге Георга Форстера. На это указывает в своей статье Аттенборо, сравнивая рисунок с палицей в Royal Albert Memorial Museum в Эксетере [Attenbourough 1990: 44–45]. Поскольку пропорции изображаемого предмета не соблюдены, Аттенборо сомневается, что на листе № 35 нарисована именно палица из Эксетера [Ibid.: 43]. Но пропорции рисунков «фигурки с гребнем» и фигурки *таната ману* относительно реальных прототипов также довольно сильно искажены. К тому же, как отмечает сам Аттенборо, рисунки выполнены «неумелой рукой» [Ibid.: 42]. Можно даже добавить: палица *паоа* на рисунке *нестественно* короткая. Поэтому нам ничто не мешает идентифицировать рисунок палицы в альбоме с реальным предметом из Эксетера, принадлежность которого к собраниям Музея Левра строго документирована [Kaerpler 1978: 169]. Здесь следует особо подчеркнуть, что предлагаемая нами идентификация рисунка пали-

цы *naoa*, по существу, является одновременно способом датировки рисунков двух фигурок, изображенных на том же листе бумаги.

Таким образом, практически все предметы, изображенные на 35-м и 36-м листах в альбоме адмирала Исаака Смита, так или иначе связаны с именами Иоганна Рейнгольда Форстера и Георга Форстера и в силу этой связи скорее всего относятся ко времени второго путешествия Кука.

«Лондонская» версия происхождения рапануйских фигурок из МАЭ

Ключом к разгадке появления в стенах Музея Императорской Академии наук трех фигурок с острова Пасхи для нас становится имя Л. С. Вакселя. Подробности его научной и собирательской биографии образуют некую сеть, с помощью которой можно уловить предметы, связанные с его именем. Так возникает «лондонская» версия происхождения трех рапануйских фигурок из МАЭ.

На первый взгляд, адрес отправителя и написание имени (см. выше) указывают на его иностранное происхождение. В протоколах Конференции он именуется *Herr Waxel aus London, Mr de Wexell à Londres*, что, конечно, наводит на мысль об английском подданстве. Свое полное — и настоящее — имя «господин Ваксель из Лондона» обрел только в 1953 г. с выходом в свет книги Т. В. Станюкович «Кунсткамера Петербургской академии наук». На основе архивных разысканий были восстановлены некоторые биографические данные этого незаурядного человека. Им оказался Лев Савельевич Ваксель (ум. 1816), полковник Корпуса инженеров путей сообщения, корреспондент Императорской Академии наук, сделавший огромный вклад в пополнение коллекций и библиотеки академии [Станюкович 1953: 169, 230]. Правда, на страницах цитируемой книги Ваксель, кажется, еще не утратил полностью своего мнимого английского происхождения. Поэтому Т. В. Станюкович вынуждена была искать обтекаемые формулировки вроде: «проживавший в Лондоне Лев Ваксель несколькими годами позже своего избрания корреспондентом Академии переехал в Россию» [Там же: 169].

Но цели настоящего исследования требуют более тщательного с точки зрения последовательности событий изучения биографии этого до недавнего времени забытого деятеля русской науки.

Начнем с краткой генеалогической справки. Лев (Леон) Савельевич Ваксель, подданный Российской империи в третьем поколении. Основателем рода Вакселей в России был выходец из Швеции Свен (Ксаверий) Лаврентьевич Ваксель (ум. 1762), который поступил на службу в Балтийский флот штурманом еще в 1726 г. и был участником Второй Камчатской экспедиции (1733–1742). После смерти Беринга принял командование пакетботом «Святой Петр». Впоследствии дослужился до чина капитана I ранга (1755), командовал различными кораблями в Балтийском море [Русские мореплаватели 1953: 488]. Имя лейтенанта Свена Вакселя дважды запечатлено в географических названиях: на карте Берингова моря и моря Лаптевых [Морская карта рассказывает 1986: 265].

В дворянское достоинство представители второго поколения Вакселей были пожалованы в 1778 г. [Общий Гербовник: 111; Брокгауз, Ефрон 1891, V: 389; Русские мореплаватели 1953: 488]. Один из сыновей Свена Вакселя, Лаврентий (Лоренц), в конце жизни «капитан генерал-майорского ранга» (бригадир). Еще десятилетним мальчиком он был зачислен волонтером в экспедицию Беринга–Чирикова и вместе со своим отцом участвовал в плаваниях [Русские мореплаватели 1953: 488]. Двое других сыновей Свена Вакселя, Василий и Савелий, имели чин подполковника.

Видимо, Савелий Ваксель и является отцом Льва Вакселя, судя по отчеству последнего [Общий Гербовник, 111]. Место и год рождения Л. С. Вакселя неизвестны, но, по сведениям, полученным от его праправнука, П. Л. Вакселя, в момент смерти Льву Савельевичу Вакселю было около сорока лет [Венгеров 1895: 29]. Умер Л. С. Ваксель в Твери 6 сентября 1816 г. [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 27. Л. 74], поэтому условной датой его рождения принято считать 1776 г.

Ваксель является автором нескольких сочинений и переводов, изданных как в Санкт-Петербурге, так и в Лондоне. Список его трудов и переводов весьма поучителен с точки зрения широты интересов, охватывающих инженерное дело, естественные науки и античную историю:

1. «Изображения разных памятников древности, найденных на берегах Черного моря, принадлежащих Российской Империи, снятые с подлинников в 1797 и 1798 гг., с приложением географической карты тех мест, где оны памятники обреты с древними наименованиями». СПб., 1801.

(Как отмечается в справочной литературе, переводы на французский и немецкий языки полнее русского издания, см.: [Русский биографический словарь 2000: 26])¹;

2. «Описание чугунной дороги, учрежденной в графстве Суррей, в Англии в 1802 г., изобретенной для удобнейшего и легчайшего перевоза разных грузов и тяжестей лошадьми». СПб., 1805;

3. “Memoirs sur les lapis meteoris, ou pierres tombées des nues dans differents pays de notre globe, trad.de l’anglais”. St.Pet., 1805;

4. “Essai sur les médalles plaquées des anciens”. Londres, 1809.

Книги Вакселя не только дают возможность судить о нем как о человеке, глубоко и разносторонне образованном, но и косвенным образом помогают выявить или уточнить некоторые факты его биографии, важные для нас с точки зрения истории поступлений МАЭ.

По сведениям С. А. Венгерова, автора «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых», Л. С. Ваксель в 1801 г. был послан в Англию с целью изучения путей сообщения [Венгеров 1895: 29]. Из «Описания чугунной дороги, учрежденной в графстве Суррей...» мы узнаем, чем он занимался в Англии, а именно: наблюдением за строительством каналов и подъездных путей при строительстве доков. Доказывая преимущества чугунных дорог перед каналами, он писал: «Ныне строящийся Лондонский док, который превзойдет своим великолепием, пышностью и красотою недавно довершенный Вест-Индский док, испытал величайшую выгоду от учреждения сих дорог для удобнейшего производства дорог» [Ваксель 1805: 18]. В то же время из протокола Конференции Академии наук от 22 ноября 1801 г. видно, что отъезд Вакселя в Англию по высочайшему повелению последовал вскоре после его возвращения из Тавриды [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 12. Л. 103]. В соединении эти факты позволяют предполагать, что он непосредственно был связан со строительством морских портов на Черном море, в частности в Николаеве. По данным И. В. Тункиной, в этот период Ваксель имел чин лейтенанта морской артиллерии [Тункина 2002: 53,

¹ Подробнее см.: [Тункина 2002: 54].

427]. По всей видимости, он окончил Артиллерийский инженерный кадетский корпус, который давал хорошее инженерное образование¹.

Существуют и некоторые другие свидетельства его причастности к укреплению южных рубежей России. В «Изображениях разных памятников...» при упоминании о находках перечисляются города по всему северному побережью Черного моря (Николаев, Херсонес, Керчь, Пантикапей, Тамань, Судак, Кафа, или Феодосия, Новороссийск) и прилагается карта: от устья Днестра и Одессы до побережья Крыма и Азовского моря и вплоть до устья Кубани. Это свидетельствует о том, что в 1797 и 1798 гг. Ваксель путешествовал по всему черноморскому побережью [Русский биографический словарь 1912: 211].

Цель поездки в какой-то степени можно связать с посвящением его книги об античных медалях: «Его Превосходительству Генералу Сухтелену». Экземпляр книги, хранящийся в Российской национальной библиотеке (ранее — Публичная библиотека), примечателем тем, что на другом листе, напротив текста посвящения, вероятно в качестве экслибриса, наклеена небольшая гравюра с профильным портретом П. К. Сухтелена, сделанная в Париже в 1814 г. (“Dess.et gr. par Bouchardy suc. de Chrétien inv. du Physionotrace. Palais Royal № 82 à Paris en 1814” [Ровинский 1888, III: 2023]). Как известно, личная библиотека П. К. Сухтелена была приобретена казной, и часть ее поступила в Императорскую Публичную библиотеку [Тункина 2002: 428].

Инженер-генерал (генерал-майор) Петр Корнилович Сухтелен в 1787 г. исполнял обязанности начальника инженерной части Финляндского департамента, позже был назначен членом департамента водяных коммуникаций, а затем по высочайшему повелению был командирован осматривать все крепости от Херсона до Риги и Ревеля [Русский биографический словарь 1912: 211]. Можно предположить, что Л. С. Ваксель сопровождал П. К. Сухтелена в этой инспекционной поездке или каким-то другим образом общался с ним по служебным делам, скорее всего в качестве подчиненного. Во всяком случае время и маршруты их поездок по югу России в целом совпадают. Наиболее вероятной кажется их встреча на археологических раскопках в Ольвии. В упомянутой выше книге Л. Ваксель опубли-

¹ Пользуемся консультацией В. Г. Данченко.

ковал некоторые предметы, найденные П. К. Сухтеленом в Ольвии именно в 1798 г. [Тункина 2002: 429].

Совпадает и сфера их собирательских интересов. Как отмечает И. В. Тункина, П. К. Сухтелен владел крупнейшей нумизматической коллекцией, а Ваксель, тоже увлекавшийся нумизматикой, был одним из его корреспондентов и впоследствии, во время своего пребывания в Лондоне, «содействовал генералу в приобретении античных монет и других древностей» [Там же: 428]. В 1803 г. П. К. Сухтелен исполнял должность Инспектора Инженерного департамента [Ровинский 1888, III: 2023].

Коллекционирование антиков Ваксель сочетал с естественно-научными изысканиями. В письме от 2 января 1805 г., прочитанном на заседании Конференции 6 марта 1805 г., он сообщает о находке «странных костей» при выполнении водяных работ (*ouvrages hydrolique*) в лондонском доке, куда он был «прикомандирован по долгу службы» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 16. Л. 33].

В протоколах Императорской Академии наук имя Леона (Льва) Вакселя впервые появляется в 1801 г. На упоминавшемся выше заседании 22 ноября 1801 г., по приезде из Тавриды, Ваксель был представлен адъюнктом А. Ф. Севастьяновым Конференции Академии наук как лицо, командированное в Англию по повелению «Его Императорского Величества», и как человек, наделенный «вкусом и способностями» к естественной истории и особенно в области энтомологии. В связи с последним обстоятельством Ваксель и предлагал свои услуги академии. Его просьба была удовлетворена. Не последнюю роль сыграло и то, что Ваксель через А. Ф. Севастьянова преподнес «академическому Музею» превосходную коллекцию из 110 яиц птиц различных видов в ящиках со стеклами и каталог, составленный по системе Линнея; как гласит протокол, эта коллекция была собрана лично Л. С. Вакселем во время путешествия из Тавриды в Санкт-Петербург [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 12. Л. 103].

По предложению Президента Академии наук имя Вакселя было внесено в список *Correspondants titrés*, с поручением секретарю послать ему *le Diplome* [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 12. Л. 103]. Тогда же сделана запись о передаче в библиотеку экземпляра книги «Изображения разных памятников...» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 12. Л. 103]. В дальнейшем он именуется *Correspondant de l'Academie* или *Correspondant assidu de l'Academie* [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 12. Л. 103. Л. 113], а 29 февраля 1804 г. ему был назначен от Ака-

демии наук пенсион в 200 рублей [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 15. Л. 83; № 27. Л. 74]. Отныне он получает право именоваться *le Correspondant pensionné*, или *Correspondant & Pensionnaire de l'Academie* [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 16. Л. 99, 111; № 20. Л. 121; № 27. Л. 74]. В качестве примечания следует подчеркнуть, что Л. С. Ваксель не был «членом-корреспондентом» Академии наук в современном понимании этого слова. По существовавшему тогда положению «академические корреспонденты» стояли за рамками академической иерархии — «адъюнкт», «экстраординарный академик», «ординарный академик» — и даже не имели официального права присутствовать на заседаниях Конференции академии.

Так, надворный, затем коллежский советник (по протоколам: *le Conseiller de la Cour, le Conseiller du College*) Лев Савельевич Ваксель, проживая на протяжении ряда лет в Лондоне (до возвращения в Россию в 1809 г.), стал одним из самых активных, деятельных собирателей музейных экспонатов и книг. Он сделал значительный вклад в создание коллекций «музея Академии», регулярно присылая различные предметы (главным образом зоологические), а также книги для академической библиотеки, в том числе собственного сочинения, изданные как в Лондоне, так и в Санкт-Петербурге. В 1809 г. он преподнес академии свой труд “*Essai sur les medailles plaquées des Anciens*” (Лондон, 1809) [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 20. Л. 121]. Вернувшись из Англии, он переезжает в Тверь, продолжая свою академическую деятельность по сбору коллекций [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 23. Л. 31, 75; № 24. Л. 79]. Видимо, с 1812 г. он переходит из классного в военный чин и получает очередной чин полковника. Теперь в протоколах академии его именуют *le Colonel* или *le Colonel des Ingenieurs, le Colonel des Ingenieurs de Voyes de Communication* [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 23. Л. 31, 75; № 24. Л. 79; № 27. Л. 74].

Специально отметим, что Лев Ваксель был также почетным членом Адмиралтейского департамента. От его имени через члена департамента действительного статского советника Александра Федоровича Лобзина в Музеум Адмиралтейского департамента в 1805–1806 гг. поступило несколько крупных коллекций, нумизматических, естественно-научных, в том числе, выражаясь современным языком, палеонтологических. Число и объем поступлений от его имени во время пребывания в Санкт-Петербурге с июня 1805 г. по февраль 1806 г. производит сильное впечатление. Не в меньшей

мере в личности Вакселя привлекает даже не само число его дарений (хотя только Музеуму Адмиралтейского департамента в период с июня 1805 г. по февраль 1806 г. он подарил в общей сложности около трех тысяч экспонатов), но сочетание разносторонних научных интересов со стремлением к совершенствованию знаний в каждой из избранных областей. В известном смысле, все его коллекции, сопровождаемые подробными систематическими каталогами, скорее представляют собой особую форму монографических исследований. При представлении своей коллекции окаменелостей в письме правителю канцелярии Адмиралтейского департамента А. С. Никольскому Ваксель говорит о ней как о «признанной всеми прекраснейшей и превосходнейшей в своем роде»: «Она состоит почти из тысячи кусков, расположенных классически в пяти столах, и включает множество весьма редких и несколько совершенно еще неизвестных и не описанных предметов» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 528. Л. 3 об.]. Ниже приводится список всех естественно-научных коллекций Вакселя, переданных Музеуму Адмиралтейского департамента в порядке издания соответствующих указов (даты приводятся по Генеральной описи МГАД¹):

23 июня 1805 г. 400 медалей, «серебряных и медных», с изображениями «Римских императоров, Кесарей, Тиранов и императриц» (по Генеральной описи музеума — 373 предмета) [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 523. Л. 1–2; № 1201. Л. 2–5, 11–14].

24 июня 1805 г. «Кость слоновой головы, найденной в окрестностях Петербурга» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 523. Л. 16; № 1201. Л. 6; Ф. 578. Оп. 1. № 184. Л. 9].

9 августа 1805 г. 500 образцов минералов [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 523. Л. 17; № 1201. Л. 7].

10 августа 1805 г. «Собрание из 52-х мадрепоров и раковин» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 523. Л. 18; Ф. 578. Оп. 1. № 184. Л. 9].

21 февраля 1806 г. 252 образца различных пород дерева («коллекция полированных образцов разных деревьев из обоих

¹ См.: «Генеральная опись вещам, поступившим в Музеум с 1805 года» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 1203. Л. 1–167]; «Генеральная опись вещам, поступившим в Музеум с 1823 года» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 1204. Л. 11–25].

Индий и Европы числом до двух сот пятидесяти двух кусков. Коллекция сия собрана была с великим тщанием; трудом и в продолжении долгого времени известным господином Штелином» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 528. Л. 18; № 1201. Л. 9].

Вероятно, здесь идет речь о Якове Яковлевиче Штелине (1709–1785), профессоре элоквенции и поэзии (см.: [Станюкович 1953: 239]). Тем более что данная коллекция имела своеобразную, «книжную», форму. В Генеральной описи Музеума говорится: «Книга обложена штучным деревом с образцами разных дерев» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 1203. Л. 8 об.]. Кроме того, известно, что академик Я. Я. Штелин был членом Вольного экономического общества, с 1766 по 1785 г. — «немецким секретарем» и даже одно время (в январе 1776 г.) — председателем общества [Ходнев 1865: 640, 641, 643, 648].

Происхождение коллекции пород дерева подразумевает два варианта: либо Штелин был знаком с семьей Вакселя, либо последний родился несколькими годами раньше, вследствие чего был, возможно, лично с ним знаком и имел время получить хорошее образование и войти в привилегированный круг коллекционеров своей эпохи. Фундаментальность некоторых других поступлений от имени Вакселя, кажется, подтверждает последнее предположение.

В феврале 1806 г., перед отъездом в Англию, он преподнес в дар Адмиралтейскому департаменту библиотеку, насчитывающую около 700 книг (с каталогом) и «закрывающую единственно классические сочинения на французском, аглинском и российском языках; в числе сих книг находятся иные весьма редкие» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 528. Л. 3]. Помимо прочего, это книжное собрание хорошо иллюстрирует источник его высочайшей компетентности в области античной истории, выразившейся в написании двух книг и создании превосходной нумизматической коллекции (см. выше).

Немалое место в научной деятельности Вакселя занимал сбор исторических фактов из жизни Петра Великого. По указу от 16 февраля 1805 г. от его имени в Музеум Адмиралтейского департамента было передано целое собрание ценных рукописей, среди которых было 20 подлинных писем Петра, 20 писем царевича Алексея и семь докладов на имя Петра Великого с его личными автографами («резолуциями»), датированных 1711 г. [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 528.

Л. 15; Д. 1201. Л. 8]. Несомненно, эта коллекция рукописей — плод многолетнего и вполне серьезного увлечения Вакселя историей жизни Петра I.

Свои изыскания в этой области он продолжил и в Англии. Как явствует из протокола Конференции Академии наук от 7 ноября 1807 г., Ваксель сделал для академии приобретение, которое, по его словам, «интересно всякому русскому, имеющему в своем сердце патриотические чувства». Речь идет о вывеске над трактиром, который царь Петр часто посещал во время своего пребывания в Лондоне в 1698 г. Не имея оригинала письма Вакселя, воспользуемся пересказом его сведений о лондонском периоде жизни Петра I в упомянутом выше протоколе: «Он ходил каждый день работать на верфи Ваппинга и Ротерхита в трех или четырех английских милях от своего жилища в Темпл Бар. На полдороге он обычно останавливался в кабачке, чтобы выпить здесь пива и выкурить трубку, а задом узнать характер плотников, каменщиков, матросов и других рабочих, для которых этот кабачок служил местом встреч. По дороге с верфи, он заходил сюда снова. Хозяин воспользовался предпочтением, которое Петр I оказывал его заведению и для того, чтобы привлечь своих посетителей, сделал вывеской портрет Императора и назвал свой [питейный] дом *On Tzar's Head*. Эта вывеска, изображающая Петра I во цвете лет, сохранилась поныне и г. Вакселю удалось ее приобрести, предложив в обмен новую вывеску, копию старой, а старую отправил в Академию для помещения в Кабинете Петра Великого со следующей подписью: “Вывеска питейного дома в Лондоне в Улице Товева /:Tower Street:/ в котором блаженной памяти Государь Император Петр Великий захаживал отдыхать идучи на работу в верфь Ваппинга и Ротергита в бытность Его в Англии. Сия вывеска писана в то самое время и доставлена Императорской Академии Наук из Лондона, Надворным Советником Л. Вакселем в 1805^м Году”» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 15. Л. 139—140]. На наш взгляд, ранее упомянутый факт передачи в Музеум собрания рукописей петровского времени противоречит мнению о дилетантском характере этой покупки (см.: [Станюкович 1953: 169]).

Отдельные дарения Вакселя выпадают из общего ряда. В 1809 г. Ваксель прислал из Лондона «кожаный мешок, изобретенный в Англии для спасения людей при разбитии судна» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 1203. Л. 104 об.]. Как записано в Генеральной описи Музеума, «нового изобретения в Англии и очень удобный для спасе-

ния; оный наполняется через кран воздухом» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 1203. Л. 104 об.]. Возможно, посылка именно этого новейшего по тем временам изобретения обусловлена не столько его профессиональным долгом военного инженера, сколько человеческими качествами.

Как можно было понять из некоторых фактов, приведенных выше, Ваксель проявлял особое усердие в пополнении естественно-научных коллекций Академии наук. Мы упомянем лишь, на наш взгляд, наиболее интересные приобретения. На заседании Конференции от 18 августа 1802 г. (протокол № 42, § 227) было зачитано письмо «г. Вакселя из Лондона», датированное 1 июля 1802 г. В нем он сообщает об отправке кенгуру в качестве экспоната для «Академического музея», причем приводит довольно подробные сведения об этом «четвероногом», в том числе этнографического характера. Так, Ваксель упоминает местное название этого животного, употребляемое аборигенами, жившими в окрестностях залива Ботани-Бэй (Австралия. — П.Б.): «патагаранг» (“patagarang”) [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 13. Л. 68]. На заседании 18 августа 1802 г. был представлен и сам экспонат — *Didelphis Gigantea (Koungourou)* [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 13. Л. 69]. В 1805 г. Ваксель послал в музей фрагмент грудной кости китообразного (см. протокол № 8, § 103) [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 16. Л. 38].

Самые значительные приобретения зоологических экспонатов для академии относятся к 1806–1807 гг. в связи с распродажей в 1806 г. предметов из Музея Эштона Левра в Лондоне. На заседании 19 ноября 1806 г. было зачитано письмо Вакселя, датированное 22 октября 1806 г. Из протокола заседания (№ 40, [§] 455) [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 17. Л. 123–124] явствует, что после краткого пребывания в России болезнь задержала Вакселя в Дании (Эльсиноре). Как он пишет, данное обстоятельство не позволило ему прибыть в Лондон вовремя к моменту распродажи Музея сэра Эштона Левра (Ashton Lever) [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 17. Л. 123–124]. Вакселю все же удалось приобрести несколько зоологических экспонатов, кроме того, он предложил академии продолжить закупку экспонатов из собраний этого музея. На заседании 14 января 1807 г. (№ 2, [§] 13) было зачитано другое его письмо, посланное из Лондона 16 ноября 1806 г. В нем Ваксель предвещает, что будущей весной собирается послать в Санкт-Петербург зоологические экспонаты, “presque les plus belles choses du Cabinet de Lever” [СПбФ

АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 18. Л. 3–4]. Он также сообщает, что занят составлением каталога, который вышлет с первым же курьером [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 18. Л. 3–4]. По-видимому, этот каталог можно отождествить с хранящимся в архиве РАН списком, составленным Вакселем в декабре 1806 г. (“*List des objets d’histoire naturelle achetés pour le Musée de l’academie Imperial des Sciences de St. Petersbourg*”). Список насчитывает несколько десятков зоологических объектов, некоторые из них отмечены как относящиеся к путешествиям капитана Кука (см. ниже) [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2 — 1807. № 64. Л. 1–2].

На заседании 28 января 1807 г. (протокол № 4, [§] 14) было принято содержимое ящика с вещами, о посылке которых Ваксель сообщал в письме от 22 октября 1806 г. и которые прибыли в Санкт-Петербург через Ревель. В ящике находилось несколько зоологических экспонатов, «каменный топор, который древние обитатели Борнхольма использовали при жертвоприношениях», и различные книги для библиотеки академии [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 18. Л. 1; № 17. Л. 123–124]. В эту партию входило лишь несколько зоологических экспонатов из списка, который упоминался нами выше. Основная часть вещей прибыла в трех больших ящиках позже. Экспонаты, отправленные ранее, исключены из списка либо самим Вакселем, либо Севастьяновым при приеме вещей на таможне в Санкт-Петербурге [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2 — 1807. № 64. Л. 1–2].

В 1809 г. Ваксель окончательно возвращается в Россию и переезжает для продолжения службы в Тверь [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 20. Л. 94, 98]. На заседании 11 октября 1809 г. (протокол № 31, § 367), наряду с книгами, поступившими от Королевского общества в Лондоне, от имени Вакселя была представлена первая часть каталога Музея Лавера (*Catalogue of the Leverian Museum. Part 1*) [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 20. Л. 98]. Как явствует из текста протокола, каталог был передан в библиотеку Императорской Академии наук (в настоящее время, по-видимому, не сохранился. — *П.Б.*).

К сожалению, биография Вакселя так и остается для нас сплошным белым пятном, несмотря на массу подробностей, касающихся его научной деятельности. Пока нам известен фактически только каркас его биографии, состоящий из дат рождения, смерти и сведений о его книгах или коллекциях. В этом узком аспекте вся его сознательная жизнь делится на три периода (с двумя временными

пребываниями в Санкт-Петербурге): «таврический» (1797–1801), «лондонский» (1801–1809) и «тверской» (1809–1816). В будущем можно надеяться узнать больше сведений в других архивах России и Англии. В целом деятельность Вакселя на поприще науки — одна из ярких страниц истории Академии наук того времени. Широта его научных интересов впечатляет: инженерное дело, энтомология, зоология, орнитология, палеонтология, археология, нумизматика, античность, русская история и этнография. Его заслуги были признаны не только в России. Об этом говорят переводы его книг на несколько европейских языков и участие в нескольких научных обществах. Имея звание корреспондента Академии наук и почетного члена Адмиралтейского департамента, он также состоял членом Вольного экономического общества и Общества друзей-исследователей природы в Берлине [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 74. Л. 63]. По нашему мнению, все эти подробности важны, потому что предметы собранных Вакселем коллекций оказываются где-то на пересечении его научных коммуникаций. При отсутствии музейных документов с точным описанием «идолов», приобретенных в Англии, первостепенное значение приобретают круг его знакомств и личная переписка.

Этнографические предметы из коллекции Л. С. Вакселя в собраниях Академии наук

Нас, конечно, более всего интересует лондонский период жизни Вакселя и прежде всего сведения о приобретенных им этнографических предметах. В частности, надо иметь в виду распродажу вещей из Музея Левера в Лондоне с аукциона, состоявшегося в 1806 г.

От того, насколько подробно нам удастся восстановить связанные с этим события, зависит встречная атрибуция, с одной стороны, предметов, упоминаемых в протоколах академии (рядом с именем Вакселя), с другой — предметов, хранящихся в настоящее время в МАЭ. Первое, на что здесь следует обратить внимание: имена Джеймса Кука и Эштона Левера, образно говоря, как бы освящают собой этнографические экспонаты, фактически переданные Вакселем Академии наук или хотя бы упоминаемые в его письмах.

В этом пункте мы подходим к сюжету, ради которого, собственно говоря, и было предпринято наше исследование. Напом-

ним еще раз, что, согласно протоколу № 31 (§ 368) от 11 октября 1809 г., Ваксель передал (*envoyé*) для «академического Музея» предметы, которые он привез (*a apporté*) с собой из Лондона: трех идолов, оружие *natunatu* и образцы тапы «с островов Фалкленд, Отагайти и Сандвич» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 20. Л. 99]. Проследить судьбу *natunatu* и образцов тапы в настоящий момент не представляется возможным. Однако «трех идолов» из этого поступления можно вполне уверенно идентифицировать с «тремя небольшими идолами» с о-ва Пасхи в описи Е. Петри 1903 г. (предметы № 736-203, 736-204, 736-205), чтобы затем на основании вышеизложенного провести красную линию, соединяющую эти предметы с коллекциями Музея Левра в Лондоне, которые в основном состояли из ввезенных в Европу предметов из путешествий капитана Кука. Попутно скажем, что упоминанием наряду с полинезийскими географическими названиями Фолклендских островов в отношении предметов, подаренных Вакселем, является своего рода маркером связи этих вещей с путешествиями капитана Кука. В упоминавшемся каталоге Вакселя, датированном декабрем 1806 г., внизу второй страницы мы находим пункт с характерной пометкой:

Pinguinaria patachonica, des isles Falkland.

NB: C'est l'exemplaire le plus grand et le

Plus beau qui existe connu; apporté par le Capitain

Cook

[СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2 — 1807. № 64. Л. 1]

Таким образом, вопреки авторитетному мнению Кепплер, три Санкт-Петербургские фигурки довольно надежно документируются как поступление в собрание Академии наук. Первоначально покинув о-в Пасхи вместе с экспедицией Кука в 1774 г., эти три предмета достигли Санкт-Петербурга только в 1809 г. в багаже российского подданного, надворного советника, корреспондента Императорской Академии наук Льва Савельевича Вакселя. При этом факт единства места и времени приобретения этих вещей — Лондон, 1806—1809 гг., а также огромный интерес, который Ваксель проявлял к распродаже Музея Левра (именно с ним связано большое число его приобретений в Лондоне), свидетельствуют о том, что Санкт-Петербургские фигурки могли принадлежать к собраниям этого музея.

Прямых доказательств принадлежности этих вещей Музею Левера в документах Академии наук пока не найдено. Впрочем, даже в том случае, если их принадлежность Музею Левера не удастся документировать окончательно, их отношение к куковскому времени кажется почти несомненным. В Лондоне в начале XIX в. могли находиться только те вещи с о-ва Пасхи, которые относятся ко времени второго путешествия капитана Кука. После английской на острове высаживалась французская экспедиция под командой капитана Лаперуза. Далее в этот период до 1809 г. к острову Пасхи, насколько нам известно, кроме «Невы» капитана Лисянского в 1804 г., подходили только три корабля. В 1805 г. капитан американской шхуны «Нанси» захватил 12 мужчин и 10 женщин для основания колонии для ловли морских котиков на необитаемом острове Мас-а-Фуэро. По словам капитана Александра Адамса (который и рассказал эту историю О. Коцебу), его собственный корабль бросил якорь около о-ва Пасхи в 1806 г., но высадиться на берег его команде не удалось из-за крайней враждебности жителей; то же самое произошло, когда к острову подошел корабль «Альбатрос» капитана Виндшипа [Коцебу 1821: 55].

Чтобы быть до конца последовательными при разработке «лондонской» версии происхождения рапануйских фигурок из МАЭ, мы вынуждены упомянуть еще один факт, который не совсем укладывается в нашу схему. Согласно записи в “*Journal des Ethnographischen Museum Anno 1837 bis 1877 incl.*” (см. выше), в 1802 г. из Лондона от имени Вакселя был послан предмет, именуемый “*ein neuseeländisch Götze*”. Не принимая во внимание данные Вакселя по поводу географической привязки трех фигурок из поступления 1809 г., когда среди географических названий мы находим даже Фолкленды, такое же допущение мы обязаны сделать и в плане места происхождения «новозеландского идола» 1802 г. В последнем случае нам придется говорить вкуче обо *всех четырех* фигурках Вакселя по списку Руссова в его книге 1900 г. Поскольку одна из фигурок отсутствует (с 1903 г. по крайней мере) и мы не знаем, какая именно, граница между дарениями Л. С. Вакселя 1802 и 1809 гг. для нас формально не существует. Мы должны учитывать, что, возможно, одна из трех рапануйских фигурок является «новозеландским идиолом» 1802 г.

Так как при решении этого вопроса не существует абсолютной точки отсчета, приходится пользоваться косвенными данными. На заседании 13 июня 1802 г. (протокол № 34, § 34) было зачитано

письмо Вакселя, отправленное из Лондона 20 апреля 1802 г. Речь идет о том, что он послал (*envoyá*) несколько предметов для музея академии, а именно: землеройку из залива Ботани-Бэй, иволги из Бенгалии и «деревянного идола жителей Новой Зеландии» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 13. Л. 56]. Уже на заседании 23 июня 1802 г. (протокол № 37, § 196) академик Н. Я. Озерецковский представил (*presentá*) чучела иволги из Бенгалии и землеройки из залива Ботани-Бэй, а также чучела еще трех птиц различных видов. В протоколе указывается даже сумма (8 рублей), которая была уплачена таксидермисту за работу, но нет ни слова о «деревянном идоле жителей Новой Зеландии», который, согласно предуведомлению Вакселя, был послан из Лондона вместе с этими зоологическими экспонатами (см.: [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 13. Л. 56]).

Сведений о том, что данный предмет действительно поступил в собрания музея, не удалось найти и в других протоколах за 1802 г. В то же время, если судить по частоте переписки между Вакселем и членами академии (прежде всего с непременным секретарем Академии наук академиком Николаем Ивановичем Фуссом), а также скрупулезности, с которой велись протоколы Конференции Академии наук, факт действительного поступления деревянного идола не мог бы пройти незамеченным. На заседаниях Конференции зачитывались и протоколировались даже частные сообщения Вакселя, например письма, в которых он выражал академии благодарность за принятие вещей, отправленных им прежде, или сообщал о смерти иностранных членов академии (заседание 3 октября 1802 г., протокол № 48, § 291; заседание 1 декабря 1802 г., протокол № 62, § 366) [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 13. Л. 84–85. Л. 107].

Итак, при процедуре двойной фиксации поступления вещей в академию: сначала — предуведомление, затем — представление (“*envoyá — presentá*”) — формально мы должны признать, что по каким-то причинам деревянный идол из Новой Зеландии так и не дошел до адресата. Также показательно, что в “*Journal des Ethnographischen Museum Anno 1837 bis 1877 incl.*” сделана выписка только из протокола от 13 июня 1802 г., где говорится лишь о том, что предмет *был послан*. Парадоксально, но версия утраты «новозеландского идола» 1802 г., который, видимо, так и не попал в здание Кунсткамеры, позволяет более уверенно идентифицировать три ныне существующие рапануйские фигурки из коллекции № 736

с тремя идолами, которые, согласно протоколам, были представлены Академии наук от имени Льва Вакселя в 1809 г.

Правда, изначально нельзя исключить и другое. Проблема разграничения двух дарений Вакселя может распространяться на вещи из состава собственно «адмиралтейской коллекции», если эти два дарения, 1802 и 1809 гг., сопоставить с серией предметов из Ведомости редкостям под общим наименованием «идолов разной фигуры три» (№ 736-118, 119, 120). О реальности этой проблемы свидетельствуют пометки в “*Journal des Ethnographischen Museum Anno 1837 bis 1877 incl.*” На с. 41 по поводу “*1 hölzernes Idol der Neuseeländer*” есть сноска (карандаш, кое-где обведенный чернилами): “*wohl der Bootschnuck mit erotischen Szenen...*” (далее неразборчиво. — П.Б.). Из этого можно заключить, что автор сноски, а, судя по почерку, это был Руссов, отождествлял «деревянного идола жителей Новой Зеландии» 1802 г. (дар Вакселя) с № 736-120, резным «предметом неизвестного назначения» в виде многофигурной («фаллической») композиции, который и в настоящее время трактуется в описях как «украшение лодки».

Почему же Руссов идентифицировал запись 1802 г., где фигурирует “*1 hölzernes Idol der Neuseeländer*”, именно с предметом № 736-120? Отвечая на этот вопрос, следует помнить, что, проводя свои изыскания, он не просматривал протоколы Конференции академии, а довольствовался Журналом Этнографического музея (“*Journal des Ethnographischen Museum Anno 1837 bis 1877 incl.*”), в котором многие места из протоколов академии по поводу поступавших в музей предметов не воспроизведены. Поэтому он не мог знать, что подтверждения о получении идола в 1802 г. так и не последовало.

Проблему «новозеландского идола» удастся решить если не окончательно (то есть указав на реальный предмет), то, по крайней мере, относительно — относительно наших сомнений в его идентификации с предметом № 736-120. Для этого нам следует ознакомиться не с пересказами писем Вакселя на заседаниях Конференции академии, а с подлинниками его писем. В одном из них возникает очень интересная подробность. В письме от 20 августа 1802 г. на имя Фусса Ваксель упоминает о получении от него письма от 17 июня 1802 г. Со слов Вакселя, в этом письме Фусс отметил одобрение, с которым Императорская Академия наук и Экономическое общество (sic!) приняли посланные в их адрес предметы [СПбФ

АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 74. Л. 82]. Поскольку письмо академика Фусса датировано 17 июня, то есть было послано через четыре дня после заседания Конференции от 13 июня, на котором зачитывалось письмо Вакселя о посылке трех экспонатов: двух зоологических (землеройки и иволги) и одного этнографического («деревянного идола жителей Новой Зеландии»), то речь идет именно об этих и ни о каких других вещах. Следовательно, есть все основания утверждать, что в 1802 г. «новозеландский деревянный идол», присланный Вакселем в Санкт-Петербург, был передан академиком Фуссом в Императорское Вольное экономическое общество. Кстати говоря, академик Фусс с 1800 по 1826 г. исполнял обязанности иностранного секретаря этого общества [Ходнев 1865: 641]. Напомним, что и Ваксель состоял членом этого общества.

Таким образом, идол, посланный Вакселем из Лондона в 1802 г., не может быть идентифицирован с предметом № 736-120. По той же причине, по которой Руссов не знал, что «новозеландский идол» 1802 г. так и не попал в собрания академии, он не мог также знать, что в 1806–1807 гг. Ваксель послал в академию еще один предмет: “une idole d’Otaïhiti; de la propre collection du fameux capitain Cook” [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 75. Л. 133]. В нашей литературе об этом поступлении впервые было упомянуто в книге Т. В. Станюкович [Станюкович 1953: 169]. Поиском этого «идола с Таити» мы займемся несколько позже.

Сейчас возникает другой вопрос: почему вообще Руссов, досконально знавший Ведомость редкостям, отделял один новозеландский предмет, а именно № 736-120, от двух других — резных фигур *теко-теко* с инвентарными № 736-118 и № 736-119, которые, несомненно, происходят из собрания Музеума Адмиралтейского департамента, если судить по номерным этикеткам «453» и «455», зафиксированным на них при регистрации коллекции № 736 (см. опись Е. Петри 1903 г.)? Предположить в данном случае можно только одно. В конце XIX в. новозеландское «украшение лодки» хранилось отдельно от вещей, поступивших из Музеума. Тогда, конечно, возникает проблема третьего новозеландского идола по Ведомости редкостям, на который должна была быть наклеена «белая» этикетка «454»¹.

¹ В публикации 2007 г. (см.: [Белков 2007: 94]) данный абзац осторожно заканчивается словами: «Эту проблему мы временно исключаем из рассмотрения. Окончательное или максимально приближающееся к окон-

Остановимся более подробно на хронологии событий, связанных с посылкой «таитянского идола» в 1806—1807 гг. Как уже указывалось, 22 октября 1806 г. Ваксель пишет письмо, в котором сообщает о продаже с аукциона экспонатов из Музея сэра Эштона Левра. К письму прилагается список предметов, упакованных в один ящик (“dans une seule caisse”) и посланных в Императорскую академию с судном «Чарльз Вильям» под командованием капитана Джона Мэттера (Matter). В списке значатся три экспоната, которые были куплены Л. С. Вакселем, чтобы дать возможность академии судить о стоимости подобных предметов с тем, чтобы одобрить дальнейшие приобретения:

Une Simia Midas

Une chave Souris de la Mer du Sud

Un poisson appelé Harlequin Hangler. Lochius Hiftrio (другим почерком. — П.Б.).

[СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 75. Л. 79]

Как уже отмечалось выше, на заседании 14 января 1807 г. (№ 2, [§] 13) было зачитано письмо Вакселя от 16 ноября 1806 г., в котором он сообщил о намерении прислать зоологические экспонаты из «Кабинета Левра» и о своих занятиях по составлению каталога [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 18. Л. 3—4].

Собственноручный список Вакселя, датированный декабрем 1806 г. и зачитанный на заседании Академии 11 февраля 1807 г. [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 18. Л. 132—133, 138], представляет собою весьма обширный перечень естественно-научных экспонатов, в котором три выше упомянутых значатся как отсутствующие с пометкой, что они были посланы ранее, в октябре 1806 г., с судном капитана Матена «Чарльз Вильямс» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2 — 1807. № 64. Л. 1, 2].

По всей видимости, этот список и следует связывать с посылкой “trois grandes caisses”, подробное сообщение о посылке которых

чательному решению может быть достигнуто после того, когда все сохранившиеся документы, в том числе те, о которых мы еще даже не знаем, будут найдены, а все предметы, относящиеся к ранним океанийским (и не только) поступлениям, будут “разложены” по своим историческим местам». В нынешнем, 2015 г., ситуация существенно изменилась (см. окончание настоящей главы).

содержится в письме Вакселя от 24 марта, зачитанном на заседании академии 13 мая 1807 г. [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 75. Л. 132–133]. В частности, в письме говорится, что в течение 10 дней или несколько позже ящики будут погружены на судно “The Baltic Merchant” (Capt. Bowser). При этом особо отмечается, что в ящике № 1 среди прочих вещей находится “une idole d’Otahtiti; de la propre collection du fameux capitain Cook” [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 75. Л. 133]. «Ваше Превосходительство, — пишет Ваксель, — позвольте мне покорно Вас просить о привлечении внимания к этому идолу тех Членов [академии], кто занимается изучением древностей. Здесь (в Лондоне. — П.Б.) этот идол рассматривается как одна из самых больших редкостей, поскольку здесь не существует какого-либо другого подобного предмета, а также поскольку, если взглянуть на него внимательнее (en l’examinant en details), его нельзя определить иначе, как Бога Приапа (Dieu Priap), знание о котором у Таитян должно казаться удивительным, хотя, несомненно, сходные идеи поклонения встречаются у отдаленных [друг от друга на значительные расстояния] наций, и [даже находящихся] в двух [разных] полушариях, народы которых на протяжении длительного времени не имели никаких сношений между собою» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 75. Л. 133].

В письме, зачитанном на заседании академии 20 мая 1807 г., Ваксель писал: «Посылаю уже третье письмо, датированное 5-м апреля, чтобы сообщить Вам о недавней посылке ящиков и списка предметов, содержащихся в каждом» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 75. Л. 138]. И далее: «Это письмо, в получении которого [академией] я проявляю столь большую обеспокоенность, было послано с фельдъегерем Густавом Беренсом в конверте Его Превосходительства Г^{на} Будберга¹ (Mr de Boudberg). Господин Беренс отбыл морским путем в Мемель, чтобы доставить сюда эти депеши Его Императорскому Величеству, который, по предположению нашего посла, должен был находиться здесь в это время. Я боюсь, как бы мой пакет (*казенной*) не был послан Министру иностранных дел, и покорно Вас прошу, не соблаговолите ли Вы разузнать об этом в его Канцелярии» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 75. Л. 138].

¹ Будберг Андрей Эбергард фон (Андрей Яковлевич), русский министр иностранных дел в 1806–1808 гг. (по Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона).

В письме от 12 апреля (пришло и зачитано вместе с письмом от 5 апреля?) Ваксель извещает об отправке трех ящиков. Constituter Кессарев и Commissaire de Musée (Иван Алексеев. — П.Б.) должны были отправиться на таможду для получения этих ящиков и проследить, чтобы при вскрытии вещам не был нанесен ущерб.

Наконец 27 мая 1807 г. Севастьянов, теперь «экстраординарный академик», экспонировал в Зале собраний предметы, лежащие в трех (sic!) ящиках, посланных из Лондона Вакселем. Сравнив содержимое ящиков с каталогом, составленным Вакселем в декабре 1806 г., он нашел, что все предметы на месте [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 18. Л. 58]. И поскольку из письма Вакселя от 24 марта 1807 г. известно, что в ящике № 1 должен был находиться “une idole d’Otahaiti”, мы можем заключить, что он все-таки прибыл в Санкт-Петербург. При этом надо помнить, что в сопроводительный каталог этот предмет не был включен, как не было и специального упоминания об идоле при вскрытии ящиков. Возможно, это объясняется тем, что идолу было посвящено отдельное письмо, в котором указывалось, в каком ящике он находится. Видимо, с точки зрения Вакселя, этого было достаточно, так как в ящике находился только один предмет.

Описание Вакселем «таитянского идола» должно свидетельствовать о появлении в собраниях академии начала XIX в. весьма характерного антропоморфного изображения. В античной мифологии Приап — объект итифаллического культа. Каноническое изображение Приапа — мужская фигура с огромным фаллосом. На этом фоне сравнение «идола с Отаити» с богом Приапом само по себе служит довольно точным описанием новозеландского предмета № 736-120. Но более всего в этом отношении характерна фраза из письма Вакселя: «...если взглянуть внимательнее (en l’examinant en details), его нельзя определить иначе, как Бога Приапа» (см. выше). В силу высокой степени стилизованности данного изображения, представляющего собой сложную многофигурную композицию, действительно приходится всматриваться, чтобы выделить фигуру главного персонажа, напомнившего Вакселю образ античного бога.

В завершающей части настоящей главы (при том предположении, что нами учтены все наиболее вероятные версии, связанные с подбором предметов из коллекции Вакселя в МАЭ) можно проверить нашу основную версию, обратившись к каталогу распродажи предметов из Музея Левера в 1806 г.

Среди лотов аукциона было не так много образцов деревянной резной скульптуры:

411. Curious idol, formed of a dark, heavy wood from Easter Island.
 412. Idol, formed of the wood of the Great fruit tree [Leverian Museum 1979: 20].
 1084. Idol from ditto (Otaheite. — П.Б.) [Ibid.: 38].
 1803. Curious idol, from ditto (Otaheite. — П.Б.) [Ibid.: 77].
 5526. A small idol, from Otaheite; and another, from Sandwich Islands [Ibid.: 250].
 5663. A small idol, Sandwich Islands; and a ditto, from Otaheite [Ibid.: 254–255].
 6255. ...a singular idol, Nootka Sound [Ibid.: 273–274].
 6256. ...a small idol, from ditto (Nootka Sound. — П.Б.) [Ibid.: 275].
 6646. ...minute idols, and sundry others, from ditto (Sandwich Islands. — П.Б.) [Ibid.: 287–289].

Набор предметов не противоречит нашей гипотезе, в Музее Левера были скульптуры с о-ва Пасхи, Таити и Гавайских островов.

Теперь мы можем обратиться к другому источнику по коллекциям Музея Левера. Речь идет о серии акварелей английской художницы Сары Стоун, которая в начале 1780-х годов по заказу самого Эштона Левера зарисовала большое число экспонатов его знаменитого музея в Лондоне. Результатом ее работы стали три альбома, долгое время находившиеся у наследников Левера. Кроме того, были еще и многочисленные “loose drawings” [Keappler 1972: 197]. Альбомы № 2 и № 3 приобрел в Лондоне в 1940 г. капитан Э. Фуллер, а альбом № 1 — Австралийский музей в 1928 г. [Ibid.]. Среди ее рисунков есть и изображения деревянных фигурок: три-четыре гавайских идола и несколько резных скульптур, относящихся к традиционной культуре жителей северо-западного побережья Северной Америки (один из предметов явно относится к числу “minute idols”) [Force & Force 1968: 97, 101, 156, 159].

При наложении списка идолов из каталога аукциона 1806 г. на видеоряд акварелей Сары Стоун для наших расчетов явно недостает изображений предметов, обозначенных топонимами “Easter Island” и “Otaheite” (каково бы ни было их действительное географическое

происхождение). Некоторые из этих неопознанных идолов, местонахождение которых в настоящее время неизвестно, вполне вероятно, могли попасть в поле зрения Вакселя. Возможности для этого действительно были. Так, известно, что многие вещи, приобретенные различными лицами на распродаже Музея Левера в 1806 г., впоследствии неоднократно меняли своих владельцев [Keappler 1972: 198–199]. В одном из писем на имя академика Фусса перед второй поездкой в Лондон Ваксель информирует его о предстоящей в мае 1806 г. распродаже Музея Левера («самого прекрасного музея из всех существующих в Англии») и просит, поскольку это превышает его возможности, ходатайствовать о выделении академией определенной суммы для покупки предметов, «редких и ценных, может быть, даже уникальных», способных значительно обогатить коллекции Академии наук. Чтобы произвести впечатление на Фусса, он, возможно, даже идет на некоторые преувеличения. В конце письма Ваксель подчеркивает, насколько редко выпадает подобный счастливый случай: «Может быть, один раз в несколько столетий» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 75. Л. 27–27 об.].

Задержавшись в пути из-за болезни (см. выше), Ваксель не смог участвовать в аукционе, но, оказавшись в Лондоне, видимо, начал наводить справки о покупателях, прежде всего о торговцах редкостями (“des marchands dans ce genre”), об установившихся на редкости ценах и буквально охотился за вещами из Музея Левера [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 75. Л. 78–78 об.].

В письмах Вакселя речь идет только о зоологических вещах, но четыре антропоморфных изображения были им приобретены все-таки в те годы, которые непосредственно следуют за аукционом 1806 г. Весьма показательны, что среди его приобретений — в основном скульптурные изображения. Здесь явно сказывался интерес Вакселя-коллекционера к античной скульптуре, если вспомнить его книгу «Изображения разных памятников древности, найденных на берегах Черного моря...». Не совсем случайным в этом плане выглядит и сравнение им приобретенного в Лондоне «идола с Таити» с древнегреческим Приапом.

Безусловно, принадлежность фигурок, приобретенных Вакселем в Лондоне в 1807 и 1809 гг., к собраниям Музея Левера или — шире — к куковскому наследию должна была считаться довольно сильной гипотезой, до тех пор пока ее оправданием служило соображение, что рассматриваемые предметы легко поместить на «сво-

бодное место» в каталоге аукциона 1806 г., то есть на место, не занятое акварелями Сары Стоун. Однако в целом лондонское происхождение этих вещей уже в 2007 г. не вызывало у нас никаких сомнений. Одним из внутренних доводов, если пользоваться так называемым методом Гулливера, в тот момент выступало письмо Паркинсона, владельца Музея Левра (как написано: “late Leverian Museum”), от 18 ноября 1806 г., адресованное Вакселю. К счастью, это письмо сохранилось в фондах СПбФ АРАН. Из его содержания видно, что Ваксель продолжал настойчиво искать возможности приобретения вещей из этого музея после окончания аукциона 1806 г. В письме, в частности, говорится: «М-р Паркинсон пользуется случаем прибавить, что, если м-р Вакселл вдруг возымеет намерение осмотреть не проданные на аукционе образцы (включающие некоторые из прекраснейших вещей в Коллекции), он будет счастлив получить известие от м-ра Вакселла»¹ (подчеркнуто в письме. — П.Б.) [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 75. Л. 110 об.]. Как можно судить по наличию соответствующих вещей в коллекциях МАЭ, такое намерение у Вакселя появилось.

Конечно, основная проблема, с которой мы сталкиваемся в этой части исследования, связана с поиском третьего «новозеландского идола», на который предположительно был наклеен печатный номер «454» Музеума Амиралтейского департамента. Был ли этот номер на предмете № 736-120 или на каком-то другом предмете? Соответственно, если номер «454» принадлежал другому, пока неизвестному предмету, экспонат № 736-120 бесспорно является «идолом с Таити», присланным Вакселем из Лондона в 1807 г. В свою очередь, установление этого факта существенно подкрепило бы выводы о куковском происхождении трех рапануйских фигурок. Об этом можно говорить, даже если придерживаться маловероятной версии, что «третьим идиолом» («454») является одна из рапануйских фигурок МАЭ. В таком виде представлялось общее состояние проблемы в 2007 г. (см.: [Белков 2007: 98]).

¹ “M. Parkinson takes occasion to add, that if Mr. Waxell sh^d feel an inclination to inspect the specimens not sold in the auction (comprising some of the finest articles in the Collection) he shall be happy to hear from Mr. Waxell”.

Новозеландские предметы из коллекций Музеума Адмиралтейского департамента

Традиционно считается, что все новозеландские предметы из коллекций Музеума были привезены экспедицией Ф. Ф. Беллинсгаузена (единственной русской экспедицией первой четверти XIX в., подходившей к берегам Новой Зеландии). Однако в списке вещей, поступивших от Беллинсгаузена, наряду с перечислением плетеных изделий, одежды из тапы, леек, сосудов, вееров и пр. нет никаких указаний на наличие скульптурных изображений, конечно, если эти вещи не попали в рубрику «разного сорта оружий Диких народов» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 579. Л. 24–25; № 1203. Л. 163–167]. Поэтому в настоящее время в целях соблюдения «чистоты эксперимента» нельзя исключить, что две резные фигуры из коллекции № 736 связаны с именем капитана Скотта, который, как уже указывалось выше, продал в начале 1808 г. Музеуму Адмиралтейского департамента крупную коллекцию, частично составленную из этнографических вещей. Вещи капитана Скотта, если на них не сохранились этикетки «Адмиралтейского музея», довольно легко распознаются по наклеенным на них этикеткам с полустертymi надписями коричневыми чернилами на английском языке. Такие вещи встречаются как среди американских, так и среди океанийских коллекций.

На вещах № 736-118 и 736-119 следы рукописных «этикеток Скотта» отсутствуют. Но в некоторых отношениях версия, согласно которой эти резные изображения входили в коллекцию капитана Скотта, на первых порах казалась более предпочтительной. В трех случаях в списке Скотта говорится об «орудиях и разного рода вещах», а в одном — о «деревянном щите с деревянным при оном орудием из Новой Зеландии» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 1203. Л. 20 об.—21 об.; № 1128. Л. 16–17]. Новозеландские резные фигуры вполне соответствуют разряду «разного рода вещей», а упоминание о «деревянном щите» и «орудии» из Новой Зеландии (даже если эти предметы не окажутся новозеландскими) допускает наличие в коллекции Скотта новозеландских предметов. Данная версия кажется достойной внимания и с точки зрения возможных приобретений экспедиции Беллинсгаузена в Новой Зеландии. Такой анализ был проведен на основе изучения текстов участников экспедиции Глинном Барраттом. Перечисляя вещи, которые моряки приобретали

или хотя бы видели в Новой Зеландии, он указывает на одно явное противоречие (“discrepancy”). По его мнению, нигде не упоминаются предметы, подобные фигурам *теко-теко* или «скульптурной фаллической группе» [Barratt 1979: 104–105].

К сожалению, как мы только что могли убедиться, подробные сведения о составе коллекции Скотта в сопроводительном списке, как и в Генеральной описи Музеума, не содержатся. Кроме того, на полях Генеральной описи есть карандашная пометка «указа нет» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 1203. Л. 20 об.]. Когда была сделана эта пометка — неизвестно. Однако указ, вероятно, с оригинальным реестром Скотта, еще не был утрачен в 1825 г., когда под руководством подполковника Колодкина начинала свою работу «Комиссия, учрежденная для освидетельствования и сдачи Музеума Адмиралтейского Департамента» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 1207. Л. 1а–4 об.]. В Ведомости Бестужева мы находим сведения о множестве отдельных предметов, поступивших от Скотта. Среди них нет никаких упоминаний об «идолах», следовательно, предметы № 736–118 и № 736–119 могут «прятаться» только в списке вещей, поступивших в МГАД в 1822 г. из сборов экспедиции Беллинсгаузена под общим заголовком «Оружия, рукоделия и наряды Диких народов» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 1207. Л. 150–160 об.] (см. приложение 4).

Завершая экскурс в историю музейных документов первой трети XIX в. на фоне проблемы рапануйских фигурок из МАЭ, заметим, что данный обзор был необходим не только потому, что вопрос наличия/отсутствия на предметах этикеток определенных типов имеет для нас ключевое значение при решении проблемы идентификации. Нам было также важно продемонстрировать, насколько широкий круг материалов должен привлекаться при идентификации хотя бы одного-двух предметов из ранних поступлений МАЭ. В частности, чтобы идентифицировать рапануйские фигурки, необходимо прежде установить происхождение образцов новозеландской деревянной скульптуры. В свою очередь, для этого требуется реконструировать коллекцию С. Г. Скотта. И так до тех пор, пока не будет «выбран» весь доступный нам материал. Чем шире круг источников, тем точнее результат, во всяком случае, меньше риск ошибочных толкований. Мы не всегда можем очертить точные границы коллекций, но обязаны знать, где кончается область твердо установленных фактов и начинается область догадок и предположений.

Одним из таких фактов является то, что в Европе в начале XIX в. насчитывались единицы скульптурных образцов океанийской деревянной пластики, лишь случайным образом попадавших в руки мореплавателей (на это обстоятельство мы возлагаем особые надежды при решении проблемы атрибуции такого рода вещей в МАЭ). Обычно в ходе обмена европейцы получали различные виды оружия, предметы одежды или утвари. Действительно, в те времена трудно было ожидать, чтобы жители островов, завидев на горизонте европейские корабли, выносили из своих святилищ изображения предков или богов в расчете выменять их на корабельные гвозди. Да и сами европейцы не слишком активно разыскивали предметы культовой скульптуры. Из рассказа Георга Форстера мы знаем, что во время визита на о-в Пасхи поиском деревянных фигурок занимался туземец Махине, который знал цену таким вещам и где их искать. Таковы музейные аспекты данной проблемы.

Проблема поступлений от имени Вакселя имеет еще одну, сугубо научную, сторону. Ваксель, пожалуй, одним из первых в Европе рассматривал изображения языческих богов как самостоятельный объект изучения. Здесь мы имеем дело с «кунсткамерской» научной традицией, идущей от Миллера и Палласа (см. поступления 1748 и 1775 гг.), — выделять две стадии развития религиозных представлений. Первоначально противопоставлялись «идолослужение» и христианство, впоследствии схема усложнилась. В 1800 г. О. П. Беляев писал: «Уверяют, что Шаманский закон принадлежит к числу древнейших вер: он всех старше на Востоке, и почитается корнем Ламайсаго, Браминсаго и других языческих толков» [Беляев 1800, I: 196].

На этом фоне небольшое собрание культовых фигурок Вакселя было плодом целенаправленной собирательской деятельности. А его размышления по поводу «идола с Таити» возникают как бы на пересечении истории (интерес к «антикам») и географии (интерес к «редкостям» естественно-научного характера). В результате такого соединения (если помнить, из какого «материала» когда-то была создана наука этнография) комментарии Вакселя к образу полинезийского божка приобретают явно этнографический оттенок. Даже при описании кенгуру он приводит аборигенное название этого животного. Здесь стоит повторить его слова о том, что, «несомненно, сходные идеи поклонения встречаются у отдаленных [друг от друга на значительные расстояния] наций, и [даже находящихся] в двух

[разных] полушариях, народы которых на протяжении длительного времени не имели никаких сношений между собою». Сказанное звучит вполне в духе эволюционистского учения, предполагая наличие уже сформировавшейся к тому времени среды, в которой подобные идеи имели довольно широкое хождение. Как мы знаем, в Кунсткамере конца XVIII в. уже существовала галерея восковых манекенов представителей различных народов в традиционных одеждах, включая изображения шаманов. Это не что иное, как особая форма этнографического «текста», знаменующая начало научного подхода к изучению традиционной культуры.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что мы находимся в самом начале пути исследований ранних коллекций МАЭ. На этом этапе какие-либо окончательные выводы по каждой отдельной вещи невозможны ввиду того, что интерпретация одной вещи равна интерпретации всех вещей, поступивших в этот период. Это означает, что работы, посвященные проблеме реставрации тех или иных коллекций, должны представлять собой своего рода открытые системы с оставлением свободного пространства для дальнейших интерпретаций (добавлений и изменений), в конечной — и пока очень отдаленной — перспективе восходящих от отдельных предметов ко всему собранию. Сначала мы «испаряем» то хаотическое целое, которое имеем в настоящий момент, а затем воссоздаем его в конкретной форме реальных исторических взаимосвязей всего множества поступлений. Стремясь зафиксировать, или «запатентовать», некие достижения в этом направлении, которые уже, несомненно, существуют, в качестве законченных «атрибуций» для составления каталогов, мы фактически уводим исследования в сторону или отрезаем себе путь к пониманию документальных взаимосвязей между отдельными вещами и коллекциями. В этом случае мы действительно создаем некий музейный миф в том смысле, что историческая непрерывность музейных собраний превращается в хаусфордово пространство как сумма слабо связанных между собой «атрибутированных» частей старинных поступлений, которые невозможно сложить в общую картину.

Актуальность концепции исторической непрерывности музейных коллекций можно продемонстрировать на примере атрибуции ранее неизвестной океанистам антропоморфной фигуры № 664-1, которая была недавно обнаружена Л. А. Ивановой в фондах Австралии и Океании. В описи № 664, составленной в 1931 г., данный

предмет описывается фразой: «Деревянное изображение человека в сидячем положении. Суматра?». Л. А. Иванова определила этот предмет как происходящий с Гавайских островов «не позднее конца XVIII в.» (см. опись № 664).

В описи коллекции № 644 также говорится, что данный предмет («провенанс неизвестен») происходит из старинных поступлений МАЭ и был зарегистрирован Л. Каруновской «при изучении коллекций отдела Индонезии». Современного исследователя, конечно, может удивить обнаружение несомненно очень старого гавайского предмета среди индонезийских вещей. Однако следует вспомнить, что в Ведомости Бестужева и Ведомости редкостям упоминается «Ниток черных моток» с «Острова Суматры». По-видимому, при первой регистрации в 1902 г. этот предмет за незнанием гавайских аналогов и при наличии упоминания о «черных нитках» с Суматры в Ведомости редкостям кому-то показался по стилю «индонезийским», был атрибутирован как происходящий с о-ва Суматры (действительно, можно найти некоторое сходство, например, с батакскими мотивами). В результате экспонат был «распределен» в отдел Индонезии.

Между тем все-таки есть один признак, по которому данный предмет можно сопоставить с вещами из Ведомости редкостям, но только не со строкой «(45) Ниток черных моток один», а со строкой «(134) Идолы разной фигуры три из Новой Зеландии», два из которых — с печатными номерными этикетками 1827 г. «453» и «455» — уже рассматривались нами в настоящей главе. Поступление предмета № 664-1 из Музеума Государственного Адмиралтейского департамента в 1828 г. решает проблему «третьего идола» с номером «454». Во всяком случае на предмете 664-1 сохранился кусочек этикетки, в которой, на наш взгляд, нетрудно опознать «белую» этикетку МГАД.

Таким образом, все «идолы» из старинных океанийских поступлений МАЭ оказываются расставленными по своим историческим местам, создавая друг другу алиби в плане аутентичности поступлений. В известном смысле, гавайский идол № 664-1 выступает главным свидетелем, удостоверяющим связь трех рапануйских фигурок № 736-203, 204, 205 и новозеландского резного изображения № 736-120 с именем Л. С. Вакселя. С одной стороны, мы уже говорили о присутствии в океанийских коллекциях МАЭ вещей из экспедиции Коцебу 1815–1818 г. С другой стороны, как в списках других собирателей, так и в каталогах МГАД не встречается упоминаний

о чем-то похожем. Отсюда вывод: предмет № 664-1 может быть частью коллекции О. Коцебу, реально переданной в МГАД в 1819 г., несмотря на то что соответствующий указ был потерян, вероятно, в том же 1819 г. (и, как можно надеяться, когда-нибудь будет обнаружен в фондах РГАВМФ).